

Е. И. Степанова
(Симферополь)

Аберрации на отдельных страницах романа И.Л. Сельвинского «О, юность моя!», посвященных выдающемуся театральному и общественному деятелю И.Э. Дувану-Торцову

1967 г. в Москве, в издательстве «Советский писатель» опубликован роман известного советского поэта И.Л. Сельвинского «О, юность моя!».

В кратком предисловии отмечалось: «Поэт Илья Сельвинский впервые выступает с крупным прозаическим произведением.

Роман во многом автобиографический, речь в нем идет о событиях, относящихся к первым годам советской власти на юге России».

В своем многостраничном повествовании (520 с.) в восемнадцатую главу на странице 205 автор вводит невымышленного героя – выдающегося театрального и общественного деятеля России – Исаака Эзровича Дувана-Торцова (1873-1939).

Обратимся к этим страницам.

«Отель «Дюльбер» – самое роскошное здание Евпатории. Построенное в швейцарском стиле, оно напоминало о горах и этим как бы перекликалось с Чатыр-Дагом, который высился против него через все море и сизым очертанием красовался в окне.

Владельцем «Дюльбера» был актер Художественного театра Дуван-Торцов. Невозмутимый, необъятно тучный, он много лет подряд играл в этом театре одну-единственную роль: Хлеба в сказке Метерлинка «Синяя птица». Наконец это ему надоело, он переехал в Киев, где взял в аренду театр Соловцова, и зажил в украинской столице со всей многочисленной семьей» [1].

Мы опирались исключительно на архивные материалы: документы музея-архива МХАТ (фонды К.С. Станиславского, В.И. Немировича-

Данченко, О.Л. Книппер-Чеховой, 2-й студии МХТ); документы фондов Российского театрального общества и театральных деятелей РГАЛИ. Материалы театрального музея им. А.А. Бахрушина, кроме дореволюционных изданий, дополнили корпус эпистолярного наследия Исаака Эзровича. Привлечены также материалы из фондов государственного архива Республики Крым.

Крайне важными источниками явились материалы российской периодической печати, в том числе провинциальной прессы, а также периодические издания «Русского зарубежья»: фонды ГАРФ; РГБ; библиотеки СТД России.

Архивные материалы и периодика I пол. XX в. предоставляют возможность воссоздать облик выдающегося театрального и общественного деятеля Исаака Эзровича Дувана-Торцова – человека и художника, и максимально достоверно ответить на вопрос: «как, собственно, все происходило» (Л. фон Ранке).

Весной 1912 г. ведущие театральные издания Москвы и Санкт-Петербурга извещали своих читателей о том, что с нового театрального сезона 1912–1913 г. «в труппу Художественного театра принят известный провинциальный антрепренер и артист г-н Дуван-Торцов».

Издававшийся в Москве (1911–1912 гг.) журнал «Караимская жизнь» в разделе «Караимы в искусстве» со словами приветствия и искреннего поздравления опубликовал с некоторыми биографическими данными восторженную статью: «С особой радостью спешим мы отметить факт приглашения в труппу Художественного театра, который заслуженно считается в настоящее время академией русского актерства, артиста-караима Исаака Эзровича Дувана-Торцова (Торцов – театральная фамилия), успевшего за последние годы выдвинуться в первые ряды русской сцены. Переход на сцену Художественного театра дает уважаемому Исааку Эзровичу возможность еще шире развернуть под сенью лучшей сценической академии свои художественные дарования. Как артист, Исаак Эзрович

придерживается лучших традиций русского классического театра и отличается в своей игре большим благородством тона, несмотря на комический и бытовой характер своего репертуара. Горячо от всей души приветствуем нашего дорогого талантливого артиста на его новом пути и выражаем искреннее пожелание художественных успехов на почетных подмостках – Дома Чехова» [2].

Свое служение Художественному театру Исаак Эзрович начинает в возрасте 39 лет, однако в его жизни уже были 17 лет, отданных искусству. Он выпускник юридического факультета Киевского университета, для которого 1895 год стал годом начала профессиональной театральной деятельности. Юриспруденции все же были отданы несколько лет службы, но они проходили вторым планом, параллельно с работой в театре. И в эти же годы он, человек искусства, с огромной степенью самоотдачи, расширяя рамки своего творчества, успешно пройдет и по многосложной стезе антрепренерства, начинаний в издательстве и педагогических исканий.

Необходимо отметить, что вся его многолетняя театральная деятельность была трепетно связана с театрами Москвы, Киева, Одессы и Вильно. Служба в ведущих театрах России выдвинула имя И.Э. Дувана-Торцова в число известных российских театральных деятелей. Истинно любя театр, выступая в различных ипостасях своего служения, И.Э. Дуван-Торцов предстал перед театральным сообществом Москвы как талантливый актер, мудрый антрепренер и педагог, искренний патриот театра и общественный деятель.

В преддверии нового театрального сезона К.С. Станиславский в первой половине сентября 1912 года начинает репетиции с Исааком Эзровичем и вводит его на главную роль: Ступендьева в спектакле «Провинциалка» по комедии И.С. Тургенева. Тогда же К.С. Станиславский писал В.В. Лужскому: «Теперь о деле. На мне лежат следующие обязанности по театру. 1. Ввести Дувана и Чехова (ввел одного и ввожу другого). 2. Повторить – Гамлета. –

Исправить кое-что. – Работы в студии временно остановились, так как лопнул котел отопления. Мы работаем в квартире милейшего Дувана» [3].

Дебют Исаака Эзровича Дувана-Торцова на сцене Художественного театра состоялся 15 октября 1912 г. Он исполнял главную роль, его партнерами были К.С. Станиславский и его жена – замечательная русская актриса М.П. Лилина. Газета «Русские ведомости» писала «...в Художественном театре, играл в первый раз новый актер труппы, бывший провинциальный антрепренер г. Дуван-Торцов. Роль сыграна с большим комизмом и характерностью» [4].

Восторженную прессу этот спектакль получил и в Одессе, где с 18 по 31 мая 1913 г. проходили гастролы театра. «Тургенев на сцене – это мелодия забытого прошлого, это – прекрасный сон» – отмечал корреспондент местной газеты. «Даже «Провинциалка» – пьеса из среднего мещанского быта, от которого Тургенев был так далек, и та показалась близкой и знакомой в живописном, красочном изображении гг. Станиславского, Дувана и г-жи Лилиной. Смотреть Тургенева в изображении художественников – наслаждение не меньше, чем его слушать. Все слито в один поэтический гимн Тургеневу-творцу».

В свой первый сезон в Художественном театре И.Э. был введен в прославленный спектакль «Царь Федор Иоаннович», где он играл М. Головина. Небольшие роли Короткова и Арэфьева исполнял в спектакле «Живой труп», в философской сказке «Синяя птица» (критики расценивали эту постановку К.С. Станиславского как чудо) он выступал в роли Хлеба.

Начало первого сезона для Исаака Эзровича было достаточно напряженным. Кроме вводов сразу в несколько спектаклей, с середины сентября 1912 г. начались репетиции по пьесе Мольера «Мнимый больной». Исааку Эзровичу была доверена одна из главных ролей: роль Беральда. Более шести месяцев прерывистых репетиций, которые исчислялись несколькими десятками, завершились ослепительной премьерой 25 марта 1913 года. Исполненная Исааком Эзровичем роль Беральда принесла ему успех.

Главную роль Аргана (мнимого больного) – исполнял К.С. Станиславский. Он «создал незабываемую по своей выразительности фигуру», – отмечал автор «Дневника театрала» Д. Одинокий в газете «Московский листок». И далее: «Заслуживает внимания прекрасный тон г. Дувана, исполняющего роль резонера Беральда. Артист сумел затушевать резонера и дал фигуру живого человека. Это очень трудно сделать, а сделано очень хорошо» [5]. А восстановленный спектакль (декабрь 1913 г.) по пьесе Гамсуна «У жизни в лапах» подарил И.Э. Дувану партнерство с О.Л. Книппер, В.И. Качаловым, В.В. Лужским и начинающей актрисой С.В. Гиацинтовой.

Второй сезон службы в Художественном театре Исаак Эзрович не смог завершить. В начале 1914 года он получает приглашение возглавить открывающийся в Москве драматический театр. Торцов покидает Художественный театр и начинает заниматься организацией и созданием нового театра. Спустя несколько месяцев в письме к Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко напишет: «Я прекрасно знаю по себе, как тяжело уходить из такого театра как Ваш и как много муки надо принять прежде, чем решиться на это... И до сих пор в глубине души непрестанно шевелится сомнение надо ли было уходить ...» [6].

4 марта 1914 г. И.Э. Дуван-Торцов через Бюро Императорского Театрального общества подписывает договор, в котором были определены сроки, рамки обязательств и в частности говорилось:

«В.П. Суходольский приглашает к себе на службу в качестве директора-распорядителя И.Э. Дувана для полного руководства этим театром, предоставляет ему право решающего управления и заведывания всею художественной и хозяйственной частью театра» [7].

Вопреки разразившейся мировой войне, театр, зародившийся в предвоенную мирную весну, требовавший определенного периода становления и организации, репетиционного времени и постановки первых спектаклей, – поднимает свой занавес ранней осенью: 15 сентября 1914 г.

«Сегодня мы открываем свои двери «Последней жертвой» в постановке г. Санина, дебютируя перед Москвой Островским, – отмечал в интервью И.Э. Дуван. – Как встретят наше начинание москвичи – покажет первый спектакль, мы сделали что могли, что было в наших силах, и хотим верить, что наш театр внесет известную лепту на алтарь служения родной сцене и искусству» [8].

Война, сжигающая огромные материальные и людские ресурсы, не только не сорвала открытие театра, но и не оставила безучастными ни Исаака Эзровича, ни возглавляемую им труппу. Отчисления на нужды раненых, фонд помощи беженцам, благотворительность, устройство «летучих» концертов с участием в них И.Э. Дувана-Торцова и А.А. Санина, открытие лазарета (труппой были даны деньги на содержание и оборудование) – все это основные составляющие «военной жизни» театра в эти годы.

Весной 1916 года И.Э. Дуван-Торцов приглашен во Вторую студию МХТ. Открывалась студия спектаклем по пьесе З. Гиппиус «Зеленое кольцо». «С большой внутренней убежденностью, просто и искренно провел роль отца главной героини пьесы г. Дуван», – писали газеты. В этом спектакле одну из главных ролей – гимназистки Руси – играла дочь Исаака Эзровича. Еще в годы учебы о ней писали: «очень эффектная студийка – Тамара Дуван». И ее дебют также не остался неотмеченным: «Прелестное впечатление произвела г-жа Дуван. Это тоже огонек, который сумеет разгореться в свое время» [9]. Тамара Исааковна Дуван станет замечательной драматической актрисой, будет сниматься в кино.

Весной 1917 года в прессе прошли несколько разнящиеся сообщения о том, что «Театр «Соловцов» в Киеве сдан снова И.Э. Дувану-Торцову. С будущего сезона он будет самостоятельно держать антрепризу». И это означало, что завершается работа Исаака Эзровича во II студии, а вместе с ней завершается и весь московский период его творчества. Служба в Художественном театре, директорство в драматическом театре, II студия МХТ – словно трехактная драматическая пьеса, лишь только длиною в пять

лет. Пять театральных сезонов с неизбежными сложностями, победами и сомнениями.

«Москву я люблю – и с ней никогда не расстанусь», – признавался Исаак Эзрович в интервью журналу «Театр» в ноябре 1916 года. Однако к новому сезону 1917-1918 г. он покидает Москву, его ждал Киев.

Ищущий и дерзновенный мечтатель с истовым служением искусству, невероятной жадой действия, – она и являлась причиной всех его творческих исканий. Потребность постоянного движения вперед, глубокая неудовлетворенность подвела черту под целым периодом его жизни.

С 1917 г. по 1919 г. И.Э. Дуван-Торцов вновь возглавит театр «Соловцов». А выпускники созданной им в 1917 г. театральной студии В.А. Нелли-Влада, Н.П. Городисский и М. Местечкин – стали гордостью национальной культуры.

Вновь обратимся к тексту романа. Не указав точную дату, далее автор пишет: «Но в этом году Киев испытал на себе такие ужасы от частой смены властей, что жить в нем стало уже невозможно. Беженцы устремились кто на север к большевикам, кто на юг за немцами. Эта стихия подняла и Дуванов, которые прикатили к себе в Евпаторию.

Хозяева «Дюльбера» стали жить открытым домом. Все знаменитости, приезжавшие в Евпаторию, останавливались, конечно, в дувановском отеле и неизменно навещали хозяев» [10].

Далее по тексту на стр. 374, 379, 386 идут упоминания, которые не дают сколь либо важной информации и никак не характеризуют Исаака Эзровича как человека или как театрального деятеля. В завершении романа читаем: «Перед отелем стоял народ... Все курортники разбежались. Удрали и сами хозяева. Отель стоит совершенно пустой» [11].

В 1920 г. жизнь И.Э. – и личная и творческая – будет рассечена, теперь у него были Родина и чужбина.

Его 25-летие служению театру (1920 г.) будут праздновать в Болгарском народном театре, куда он был приглашен и служил в качестве

актера и главного режиссера. В последующие годы Исаак Эзрович будет возглавлять русские театры в Берлине, Париже, Белграде. Он откроет свой театр: ТДТ – театр Дувана-Торцова, который успешно будет гастролировать по всей Европе. Немало снимаясь в кино, как в России, так и в эмиграции, он сыграет Тараса Бульбу в одноименном фильме, снятом в Берлине в 1923 г.

Юрист по образованию и театральный деятель по призванию, Исаак Эзрович Дуван-Торцов без малого 45 лет своей жизни посвятил служению театру. Его многотворящий жизненный и творческий путь, составлявший 19 лет в Киеве (1895-1919 г.) с вклинившимся 2-х летним периодом (1904-1905 г.) в г. Вильно, пятилетним московским (1912-1917), а также 19 лет эмиграции (1920-1939 г.) – представлял значительное явление в истории театра первых десятилетий XX века. Однако несмотря на это, ни в советской историографии, ни в современной России и Украине не уделялось заслуженного внимания изучению жизненного пути и творческого наследия И.Э. Дувана-Торцова. Эмиграция в 1920 г. «определила» его место в советской историографии – он долгие годы оставался в числе малоизвестных деятелей театра. Его творчество не было предметом исследования.

В романе Ильи Львовича Сельвинского со страницы 205 по страницу 517 упоминаются отдельные этапы жизни выдающегося театрального и общественного деятеля И.Э. Дувана-Торцова. Эти упоминания – не что иное, как абберрации, вымысел автора. И потому мы вправе отметить: вряд ли он (вымысел) позволителен в художественном произведении, претендующем на достоверное отображение жизни невымышленного героя.

Примечания

1. Сельвинский И.Л. «О, юность моя!». М.: Сов. писатель, 1967. С. 205.
2. Караимы в искусстве. И. Э. Дуван-Торцов // Караимская жизнь. Кн. 8-9. М., 1912. С. 92-93.
3. Станиславский К.С. Собрание сочинений. Т. 7: Письма. М., 1960. С. 550, 552.

4. Театр и музыка // Русские ведомости. № 240. М., 1912. С. 5.
5. Одинокий Д. Дневник театрала // Московский листок. М., 1913. 28 марта.
6. Архив МХАТ. Ф. Н-Д. № 3979.
7. РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2572. Л. 16-17.
8. Беседа с И.Э. Дуваном-Торцовым // Театр. М., 1914. № 1446. С. 7.
9. Вторая студия Художественного театра // Театр. М., 1916. № 2011.
10. Сельвинский И.Л. «О, юность моя!». М., 1967. С. 205.
11. Там же. С. 517.